ТОТАЛИТАРИЗМ
И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

15 ВЫПУСК

Томск 2017

БК 66.0
УДК 32
Т 63

Тоталитаризм и тоталитарное сознание: статьи по материалам 18 региональной ежегодной науч.-практ. конф., 29 апреля 2017 г. /Под ред. В.С. Шутова – Томск, 2017. 240 с. Издательство «Кит», Томск, 2017.

ISBN 5-87307-083-0

Опубликованы статьи на основе докладов, представленных на конференции, состоявшейся 29 апреля 2017 г. при поддержке философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Томского отделения РАПН, Томского регионального отделения Российского общества политологов, а также томских ученых, аспирантов и студентов.

Рассмотрены проблемы политического сознания и идеологии, демократического транзита, политической модернизации, эволюции российской политической системы, коммуникаций, индоктринации, социализации, социальной политики и некоторые другие.

Редакционная коллегия: к.и.н., доц. В.С. Шутов (отв. ред.),
к.и.н., доц. В.И. Постол, д.ф.н., проф. Л.С. Сысоева, к.и.н., доц. С.А. Шпагин,
к.и.н., доц. Н.Н. Соколов, ст. преп. Третьякова Т.Е.

ББК 66.0
УДК32
Т 63

ISBN 5-87307-083-0

© Томск, Философский факультет ТГУ, 2017

11. В «Критических заметках» Ленин и пытался в этой связи лишить Достоевского права на известность через замену его анонимным двойником-антиподом («революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов», «самый скверный», «путаница и ложь», «больная фантазия», «бред», «прикрытая, принаряженная чертовщина» и т. д.), так как считал упоминание о нём в открытой печати, тем более в объективном и положительном смысле, недопустимым.

12. И. В. Сталин. Соч. Т. 3. М., 1951, с. 386.

13. Конечно, Горький учитывал место и время предлагаемого доклада, но то, о чём молчал учитель, было уже опубликовано его учеником Мандельштамом, который назвал представителей этого направления «помесью попугая и попа» и писал: «Это – раса, кочующая и ночующая в своей блевотине … и всюду близкая к власти, которая ей отводит место в жёлтых кварталах, как проституткам»; она «помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям вершить расправу над обречённым» (цит. по: Антология самиздата. М., 2005. Т. 1, кн. 2. С. 204).

14. Цит. по: Сарнов Б. Сталин и писатели. М., 2008. Кн. 1. С. 25.

15. Там же. С. 26.

16. Подробнее об этом см.: В. Баранов. Горький без грима. Тайна смерти. М., 1996; А. Ваксберг. Гибель буревестника. М. Горький: последние 20 лет. М., 1999; В. Томилов. Коммунизм… С. 189-191.

Томилов В.Г., Зейле Н.И., Гавриляк А.И.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ГЕГЕЛЯ НА ПОЛИТИКУ США ИЛИ ДОПОЛНЕНИЕ К КНИГАМ З. БЖЕЗИНСКОГО И Р. ДАНИЭЛСА О КОММУНИЗМЕ

Аннотация. Эпиграфом к этой статье могли бы служить слова историка Б. Куклика о том, что история штато-американской философии XX века была главой истории «послекантовского идеализма», т. е. находилась под преобладающим влиянием Фихте, Шеллинга и Гегеля. Но если учесть, что Гегель был «критическим» Кантом, опосредованным Фихте и автором «Системы трансцендентального идеализма», то идеализм штато-американской мысли будет не совсем послекантовским. Гегелевская «Научная логика» стала развёрнутым вариантом кантовского списка категорий «Критики чистого разума», а его книга «О явлениях нечистого духа» - подобным вариантом кантовской «Религии в границах нечистого разума». Не зря же Чарльз Пирс ежедневно по два часа в течение трёх лет читал кантовскую «Критику чистого разума». А он является, судя по всему, автором названия и пионером основного направления штато-американской мысли. Молчание на эту тему некоторых историков можно объяснить недостатком расстояния: они оказались в положении, что не видят ничего, кроме кирпича здания, к которому пришёлся их нос.

Ключевые слова: Гегель, Чешковский, Маркс, Пирс, Джемс, Дьюи, Хук, Маркузе, Рузвельт.

Уже кантианец Фихте писал, что нравственной ценностью обладают лишь те поступки, которые основываются не на любви. И такие поступки он связывал с интересами и волей «властного мирского Духа»: «Конечную цель всех действий нравственного человека и особенно его действий во внешнем мире можно выразить формулой: он желает, чтобы Дух и только Дух господствовал в чувственном мире. Все физические силы должны быть подчинены ему, и это становится возможным лишь благодаря существованию духовных существ, в которых и посредством которых Дух только и может господствовать… Любовь, особая склонность к той или иной личности не является нравственной (ist nicht sittlich); она – всего лишь естественна (naturlich) и поэтому не должна и не может быть мотивом наших действий» [1]. Гегель исключал «особую склонность к той или иной личности» даже из семейных отношений («нравственное отношение членов семьи не есть отношение на почве чувства или отношение любви») и писал, что «в Государстве нет уже любви», что «индивидуальность должна подчиниться дисциплине Духа» и что «истинная дисциплина есть пожертвование всей личностью» [2].

Не следует игнорировать в этой связи и такой источник как гётевский «Фауст». Белинский не без основания считал Гегеля одним из прототипов Фауста. Гегель отрицал существующий эмпирический мир, называл его «искусством голой видимости и жестокого обмана» и считал, что подлинную действительность следует искать «по ту сторону ощущения и внешних предметов». И Фауст говорит о недостоверности «непосредственного ощущения», «обманчивом блеске явлений», о том, что существующий мир имеет ценность лишь в качестве погибающего, и проклинает весь этот «сковывающий мир (die Welt mit klammernden Organen)», не исключая и таких его «явлений», как плуг, виноградное вино, жена, ребенок, любовь, вера, надежда и т. д. Гегель противопоставлял этому миру «духа трагической судьбы», стремящегося преодолеть антагонизм через изменение и подчинение мира. Фауст тоже противопоставляет последнему неких «духов», которые создают «новую, пёструю жизнь». Главный из них, явившись в человеческом образе, говорит Фаусту: «Я – дух, который всегда отрицает! И с основаньем: сотворенный мир достоин лишь гибели; было бы лучше, если б он не возникал. Итак, моя стихия (eigentliches Element) есть всё, что вы называете грехом, разрушеньем, короче, злом» [3].Оба (т. е. Гегель и Фауст) отрицают «чистый разум» христианства, стремятся к «власти, собственности, преобладанию» и верят в могущество «лживого духа (Lugengeist)” и в «катехизис революционера».

«Дух», утверждал Гегель, стремится переделать мир по своему образу и подобию, так как не терпит ничего, кроме себя, и мучится невыносимым стремлением к распространению, рассматривая всякое нечто вне себя, не имеющее его окраски, как смертельного врага, как упрёк и аргумент против

его (т. е. «духа») существования. Но если Кант и Фихте писали, что «царство Духа», в котором «пришествие Антихриста» получит «доброе символическое значение», будет происходить через борьбу с «богослужебной верой», то Гегель пытался описать сам *ход* борьбы «просвещения» с «суеверием».

Начало становления «царства Духа» датировал он периодом Реформации. Энергическим его мотивом выступает «вера в могущество Духа» или «религия Духа», в которой господствующие в повседневности подземные силы обретают форму сверхземных и возводятся в ранг божества, а человеческая воля, предаваясь в этом сознании благоговейному чувству и эйфории воображения, отказывается от своих особых ощущений, притязаний и стремлений. Эта религия должна сделать догмат единственной связью между отдельным человеком и его существованием в качестве гражданина Государства, должна поставить каждый кусок хлеба в зависимость от веры и стать общей теорией и сердцем бессердечного мира, его популярной логикой и священным ореолом.

Носители такого религиозного сознания объединяются в «воинствующую церковь» или в «партию просвещения». Борьба спекулятивной метафизики («просвещения» [4]) с христианством («верой») оказывается таким образом предпосылкой, предысторией и историей «царства Духа».

«Просвещение», писал Гегель, выступает против «веры» и объявляет её сплетением суеверий, предрассудков и заблуждений. Оно обвиняет «веру» в дурном умысле, в обмане, сговоре с деспотизмом, глупости, невежестве [5].и указывает на бессмысленность её отказа от чувственных наслаждений, от еды и обладания, от имущества и собственности. Оно старается убедить, что всё существует для удовольствия и наслаждения человека в этом мире и что мир есть насажденный для него вертоград...

Несмотря на то, что «просвещение» искажает христианство во всех его моментах и осуждает в нем лишь себя самого, оно добивается успеха, потому что в сознании «веры» обнаруживаются моменты, значение которых «просвещение» утверждает. В результате «немого продвижения Духа» болезнь пристала к ней прежде, чем обнаружилась, и поразила её сознание. Сыграв роль клина, «просвещение» таким образом лишь довершает распад и превращает «веру» в скептическое «несчастное сознание».

Исследуя происхождение тирании, ещё Сократ пришел к выводу, что её матерью является анархия и «крайняя свобода». Диалектика такова, говорил он, что из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов. Гегель в книге «О явлениях нечистого духа» описал психологию подобного превращения.

Несчастное сознание – это сознание потери самого существенного. Оно есть сожаление и скорбь, выражаемая жестокими словами: *Бог умер*. И эта смерть Бога становится началом «царства Духа», потому что человеческая природа не терпит пустоты. Сознание с незаполненной потусторонностью

заполняет её суррогатами убеждений и «чудовищами суеверий». Оно становится эгоистичным и доводит свой эгоизм до самообожествления. Атомизированное и возведенное в превосходную степень «я» исключает из «абсолютной хрупкости своей точечности» связь с другим «я» и вступает с ним в жестокую борьбу из-за средств удовлетворения своих притязаний. Результат – состояние анархии и хаоса раскованных сил, которые движутся в диком разгуле, беснуясь и сокрушая друг друга; состояние атомизации и войны всех против всех, в которой каждый стремится захватить себе всё, что может, вершит суд над эгоизмом других и утверждает свой, который также отрицается другими. И в этом проявляется хитрость «Духа» и его сторонников: разделяя и сталкивая людей, побуждая их уничтожать друг друга, они превращают их злые страсти в уток, ткущий ковер «царства».

Атомизация содержит в себе момент самоотрицания: сосредоточив в посюстороннем мире весь объем своего наличного бытия и связав свою жизнь с недружелюбной собственностью, атом делает себя заложником тех, кто способен лишить его собственности и, принудив таким способом к работе, сделать его хрупкую атомизированную личность собственностью другого. Атом, сосредоточивший весь объем своего наличного бытия в посюстороннем мире и тем самым сделавший смерть своим абсолютным господином, оказывается слабее объединенных в церковь «одухотворенных просветителей», которые примирились со смертью своей личности и пользуются «сокровищами Духа». Так что, стремясь к абсолютной свободе, атом освобождается лишь от своего независимого «я», и его своеволие жестко ограничивается какой-нибудь отраслью целого, каким-нибудь видом деятельности и бытия. Так «усмиряющий Дух» одерживает победу над «разрывающими звериными духами», в результате чего анархия превращается в монархию, дезорганизация в организацию, а буржуазное общество (в котором каждый для себя - цель, а все другие – ничто) – в «земно-божественное Государство». «Религия Духа» оказывается тем рычагом, который создает перевес и обеспечивает победу «одухотворенных».

Иначе говоря, в результате дехристианизации сознания разрушаются старые связи и отношения, общество приводится в аморфное состояние анархии и «войны всех против всех», а затем из анархии вырастает новая организация, которая не только не преодолевает анархию, но и вынуждена её постоянно воспроизводить как свою основу и колеблющуюся почву, и как материнское лоно своего нового порядка. Его развитие идет в направлении целостности и состоит в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из них недостающие органы.

Результат победы, таким образом, - «царство Духа», мир, созданный им для себя. Религия пронизывает в нём все сферы жизни и является центром, от которого зависят все другие моменты. Одну его сторону образует «духовное» сословие или «высший класс» (Фихте), величие которого находится в обратном отношении к его численности и положение которого напоминает положение римских патрициев, другую – разделенный на сословия по

функциональному признаку «низший класс», положение которого напоминает положение римских плебеев. Высший класс представляет Дух целого и суть думающий, проектирующий, организующий, словом – господствующий; низший – управляемый, организуемый, исполняющий, порабощенный. Целое изменяет свои части, согласно своей сущности, интегрирует и объединяет их. Части должны подчиняться целому и сообразоваться с ним в своих функциях. В интеграции они могут обретать свойства, ранее им не присущие, но отвечающие требованиям Государства, функционирование и развитие которого определяется сверхчеловеческой потусторонней силой.

В идеале Государство должно представлять иерархию подсистем разной степени сложности, которая, преодолевая сопротивление, обеспечивала бы структурно-функциональное единство и включала подсистемы потребностей, способов удовлетворения, работ, теоретического и практического образования. Её принцип – каждому свое, т.е. каждый её член должен стать чиновником того или иного разряда «табеля о рангах» и занимать в иерархии господства-подчинения определенное штатное место, а все общественные формы, виды человеческой деятельности, группы и профессии превратиться в винты и детали спиритуалистического Государства, в функции его аппарата. Вершину образует у Гегеля «духовное» сословие. В основании пирамиды располагаются земледельческое, промышленное, торговое и другие сословия. В середине – в качестве посредников и «проводников взглядов правителей» – органы власти (бюрократия, законы, суды, армия, полиция) и различные религиозно-воспитательные учреждения (церковь, школа, корпорация и др.). Это – сфера деятельности среднего сословия. Принадлежность к тому или иному классу определяется характером и способностями человека. Правители и жрецы освобождаются от необходимости труда в материальном производстве и могут посвятить себя целям «Духа» и религиозному воспитанию других сословий. Семья, основанная на любви, упраздняется или, как выражается Гегель, превращается в «лишенную действительности бесплотную тень». Словом, речь идёт о проекте нового Государства, в котором вся деятельность людей жёстко регламентирована, а нарушения регламента сурово наказываются. При этом возвышение вождей осуществляется за счёт унижения рядовых членов.

И, конечно, всякие национальные рамки такому Государству будут тесны. «Воля к власти» проявляет себя как воля к мировому господству в военном, экономическом и духовном смысле. Как популярно разъяснял эту мысль Шпенглер, «одержимый волей к власти фаустовский человек стремится навязать свою волю всем и каждому: то, во что он верит, должно стать верой для всех, то, чего он желает, должны хотеть все, все должны следовать его политическому, социальному, экономическому идеалу, либо погибнуть» [6].Так что атомизация, борьба всех против всех распространяется и на межнациональные отношения. Отдельные индивиды интегрируются в

группы, последние стремятся достигнуть преимуществ и тоже оказываются в состоянии борьбы друг против друга. Роль различных наций определяется при этом их вкладом в строительство «царства Духа» и принципом, который ими осуществляется. Нация, сделавшая свое дело, должна стать «материалом» и «провинцией» народа, осуществляющего более высокий принцип и поднимающего «царство» на новую ступень.

Отсюда и та роль, которая отводится войне: она должна стать средством внутренней интеграции и пространственного расширения «царства Духа», которое сохраняет себя лишь тем, что постоянно увеличивается. «Дух» при этом ведёт своё дело широко, употребляет многочисленные человеческие поколения и делает чудовищные затраты человеческих сил, так как он богат и «у него достаточно народов и индивидуумов для такой траты» [7]. В «Философии права» Гегель сравнил войну с освежающим ветром, проносящимся над озером жизни и предохраняющим его от загнивания.

Гегель использовал в качестве синонима «царства Духа» понятие «духовное царство Зверя (geistige Tierreich)», восходящее к апокалипсическим представлениям древнего христианства. «Отрицающий Дух, - писал он, - оказывается настоящей *властью* коммуны (*Macht* des Gemeinwesens) и *силой* её самосохранения; она имеет, таким образом, истину и источник своей власти в сущности *Его закона* и в *подземном царстве*. (...) Подземная власть Духа обретает на земле свою *действительность*; благодаря сознанию она становится наличным бытиём и деятельностью» [8].

«Религия Духа» в качестве мозга и сердца, от которых зависят все другие моменты, иерархически-пирамидальное строение, универсализация отношений господства и подчинения между «духовным сословием» и объединённой в сословия по профессиональному признаку раздробленной массой, применение по отношению к последней средств насилия и обмана, особая система воспитания, упразднение семьи, милитаризация и культ войны – таковы, по Гегелю, главные черты коммунистического «царства Духа».

Шеллинг называл гегелевского героя «всё отрицающим богом, не имеющим будущего». Фейербах считал его причиной тайной и скрытой смерти, абсолютным недоброжелательством и нетерпимостью по отношению к внешнему миру, так что не имеющие его окраски являются для него упрёком и аргументом против его существования, препятствием его стремления к распространению и преодолению всяких ограничений. Э. Гартман писал, что гегелевский принцип «абсолютной солидарности с Духом» обязывает человека разделить трагическую судьбу последнего и стремиться к «абсолютному Ничто». Были и другие мнения.

.Нельзя не упомянуть в данной связи книги польского гегельянца А. Чешковского «Пролегомены к историософии», появившейся в 1838 г. В ней говорилось о том, что план изменения мира составлен Гегелем правильно и что задача человечества состоит в том, чтобы осуществить этот план. И Маркс писал, что материализм оказался неспособным создать

коммунистический проект, что это оказалось под силу лишь идеализму и что теперь главным вопросом является его воплощение в действительность и соответствующее изменение мира («мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике», «вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, вовсе не вопрос теории, а практический вопрос» и т.д.). Институт марксизма-ленинизма был бы более прав, если б назвал его тезисы «К Фейербаху» «Тезисами о Гегеле»: Маркс оценил в них гегелевский проект положительно и тоже поставил вопрос о его осуществлении. Отсюда и их решение вопроса о хорошем и плохом: истинно и хорошо всё, что способствует осуществлению проекта. Они не ограничились повторением слов Чешковского и попытались перевести гегелевский проект на операциональный (практический) язык, назвав «материей» и «пролетариатом» гегелевского «Духа трагической судьбы» и спрятав самого Гегеля под маску гётевского Бакалавра [9].

И горьковский коммунист Маякин говорил в этой связи: «…Люди так жизнь свою устроили, что по Христову учению совсем им невозможно поступать, и стал для нас Иисус Христос совсем лишний… Что оно, лучшее? Вперед людей уйти, выше их стать. Вот все и стараются достичь первого места в жизни… Уж коли настало такое время, что всякий шибздик полагает про себя, будто он – всё может и сотворен для полного распоряжения жизнью, - дать ему, стервецу, свободу! На, сукин сын, живи! (…) Тогда воспоследует такая комедия: почуяв, что узда с него снята, - зарвется человек выше своих ушей и пером полетит – и туда и сюда … А Духа этого самого строительного со-всем в нем малая толика! Попыжится он день-другой, потопорщится во все стороны и – вскорости ослабнет, бедненький! Сердцевина-то гнилая в нём… Ту-ут его, голубчика, и поймают настоящие, достойные люди, которые могут… действительными штатскими хозяевами жизни быть… Что, скажут, устали, господа? Что, скажут, не терпит селезенка настоящего-то жару? (…) Ну, так теперь вы, такие-сякие, - молчать и не пищать! А то, как червей с дерева, стряхнём вас с земли! Цыц, голубчики! (…) Ну и тогда-то вот те, которые в сумятице возьмут верх, - жизнь на свой лад, по-умному и устроят… Не шаля-валя пойдет дело, а – как по нотам!.. Ежели видим мы, что, взяв разных людей, сгоняют их в одно место и внушают всем одно мнение, - должны мы признать, что это умно… Потому – что такое человек в государстве? Не больше как простой кирпич, а все кирпичи должны быть одной меры… Людей, которые все одинаковой высоты и веса, - как я хочу, так и положу…» [10].

Является герой гегелевской «Феноменологии нечистого Духа» и к «нечистым» революционерам в «Мистерии Буфф» Маяковского, и произносит «новую проповедь нагорную»:

Ко мне – кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди, не простивший! Ты первый вхож

в царствие мое земное – не небесное.
Иди, любовями всевозможными
разметавшийся прелюбодей,
у которого по жилам бунта бес снуёт…
На пророков перестаньте пялить око,
взорвите всё, что чтили и чтут.
И она, обетованная, окажется под боком – вот тут.

В США соучастником их дела стал Чарльз Пирс (1839-1914), считавший Гегеля «величайшим из всех философов» [11] и назвавший теоретическую и практическую работу Маркса и Энгельса по реализации предложения Чешковского «практизмом (pragmatism)». Пирс, как и Маркс с Энгельсом, [12] тоже стремился к единству религиозных и научных понятий через подчинение вторых первым («Вера руководит нашими желаниями и действиями»). И не исключено, что он был историческим прототипом лондонского «сына волка», который говорил аборигенам о своём племени, что сначала они охотятся в одиночку, затем стаями, и, наконец, как оленьи стада заполняют весь край, оставляя в живых лишь тех иноплеменников, которых они превратят в рабов.

Пирс оценивал свою работу как «воскрешение Гегеля», т. е. как оригинальный перевод его на английский, и считал, что осуществление гегелевского проекта потребует «ужасных зверств». И в этом смысле его можно сравнить с горьковским Маякиным: Пирс тоже переводил «неясную» книгу Гегеля «О явлениях нечистого Духа» так, чтобы понятно было: «Вместо воли индивида пусть действует воля Государства. С целью привлечения внимания людей к правильным мыслям создадим учреждение, которое будет сообщать их молодёжи и противодействовать знакомству с неправильными учениями… Будем держать народ в состоянии невежества, лишим его возможности инакомыслия и заставим относиться к последнему с ненавистью и ужасом. И тогда мы принудим замолчать всех несогласных с установленной верой, ибо учредим расследование их образа мыслей и, если они будут признаны виновными в том, что придерживаются запрещённых взглядов, прикажем мазать их дёгтем и вываливать в перьях. А если для достижения единомыслия этого будет недостаточно, то остаётся лишь избиение всех, кто думает не так, как надо… Для большинства, возможно, и не существует другого способа: если они хотят быть духовными рабами, то они должны быть ими» [13]. Поскольку никакая действительная политика невозможна без злодейств и жестокостей, считал он, то всё зависит от того, насколько умно будут осуществлены злодеяния: их надо делать как можно решительнее, энергичнее и в самый кратчайший срок, прилагая при этом все возможные усилия, чтобы избежать репутации злодея. Надо хитрить и притворяться, ибо обманывающий всегда найдёт тех, кто готов обмануться. Зло может быть безнаказанным, и счастье одних может быть основано на несчастье других. Надо делать добро и зло, когда это полезно, и не бояться гнуть спину, ползти змеёй между тиграми и быть волком среди овец,

эксплуатировать, убивать, пить слезы и кровь… Наиболее высокого уровня достиг политический реализм у Канта, Фихте и Гегеля.

И не удивительно, что один из учеников Пирса в 1905 г. сказал Горькому, что для штато-американца признать Христа спасителем невозможно, так как в действительности спасителями человечества являются американцы: никто не имеет столько денег, как они, и скоро весь мир будет США [14].

Отсюда и критика Пирса и его учеников со стороны христиан, что они выступают за образ жизни, который Библия называет мерзостью. Правители Государства у него тоже не видят необходимости в том, чтобы жертвовать своими интересами ради милосердия и должны представлять весьма суровую и безжалостную власть. Так что Б. Чичерин имел основание написать в «Истории политических учений», что Гегель жив, Гегель не умер. Позже это повторили и Маркс с Энгельсом. Процитированную статью Пирса «Внедрение и укрепление веры» (1877) можно сравнить и с предсказанной Чернышевским книгой Ленина «Что делать?». Пирс тоже исходил из веры в существование и определяющую роль «властного мирского Духа» и пытался ответить на вопрос, что надо делать, чтобы осуществить гегелевский проект, а название ленинской работы свидетельствует о его причастности к тому, что Пирс называл «практизмом». И как тут не вспомнить ещё раз выше цитированные слова Фихте и Гегеля о том, что заповедь любви к ближнему должна быть отменена. А пирсовский перевод мог бы служить эпиграфом и к «Манифесту Судьбы англосаксонской расы» (1885) Джона Фиске, в котором утверждалось, что эта судьба состоит в достижении мирового господства от полюса до полюса и от восхода до заката солнца; и к «Исследованию американского характера» (1886) Д. Ройса; и к книге Уильяма Джемса «Практизм – новое название для старых мыслей» (1907), и к «Реконструкции философии» (1920) Джона Дьюи, и к «Метафизике практизма» (1927) Сиднея Хука, и к «Гегель – это разум и революция» (1941) Герберта Маркузе, и к штато-американскому справочнику о демократии 1991 г., в котором «практизм» отнесён к существенным особенностям последней. Все они так или иначе продолжали дело Гегеля, Чешковского, Маркса, Пирса, т. е. делали операциональную точку зрения представителем человеческого разума, превращали научный и технический прогресс в инструмент господства и обрекали народ, как верно заметил их критик Гарри Уэллс, не на любовь к мудрости, а на невежество и рабство. Дьюи был бы более прав, если б назвал свою книгу «Отрицание философии» или «Философия как примирение с порчей и смертью», а разумности гегелевского проекта не подтвердили ни оценки его Фейербахом, Гейне, Б. Бауэром, Шопенгауэром и Ницше, ни, осуществившая проект, российская революция 1917 г., ни недавняя «оранжевая революция» в Украине.

В 1913 г. появилась книга штато-американского политолога У. Уэйла «Новая демократия», свидетельствовавшая о том, что «практизм» уже стал политикой США, отстранив большинство народа от системы

государственного управления и превратив последнюю в инструмент правителей. Это подтвердила и появившаяся в 1936 г. книга Ю. Янга «Место могучей Америки в перевооружающемся мире», в которой говорилось, что США должны стремиться к господству над всем миром в военном, экономическом и духовном смысле, и для этого создать самые мощные флот и авиацию, и, воспользовавшись выгодным положением, натравливать соперников друг на друга и, когда они будут достаточно ослаблены, пожать плоды победы. Подобные призывы имели место и в книге Л. Хартли «Внешняя политика для США» (1937). Он тоже считал, что США способны создать и направить движение к американскому всемирному Государству, т. е. основанному на долларах, линкорах и бомбардировщиках.

Сталин был недалёк от истины, когда говорил на XVIII съезде партии о, помогающей агрессорам, политике невмешательства. Можно вспомнить в этой связи и о недооценке боеспособности СССР («колосс на глиняных ногах»), которая была внушена Гитлеру британской разведкой через, работавшего на неё, начальника гитлеровской разведки Канариса, чтобы стимулировать колебавшегося Гитлера ***напасть на СССР***. («Россия готова нас сожрать… Они строят несокрушимые танки, они быстрее наших, с более мощной бронёй, чем наши, их пушки лучше наших, и их танкам не нужен бензин… По количеству танков Россия – самая сильная страна в мире… Они строят чудо-самолёты»; «ужасающее число танков и самолётов»)

Можно вспомнить в данной связи и президента Франклина Рузвельта: он тоже мечтал о господстве США над миром и при этом считал Сталина «союзником, которого само небо создало для осуществления американской мечты»; а войну между Германией и СССР он считал средством подчинения их США по принципу divide et impera, т. е. дать им возможность ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут и истребят друг друга, - выступить со свежими силами и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И его однопартиец, сенатор и будущий президент Г. Трумэн 24 июня 1941 г. говорил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, мы должны помочь Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше…» [15]. В этом и ответ на вопрос, почему США вступили в войну с почти разбитой Германией лишь в июне 1944 г., т. е. когда немецкая армия уже напоминала весьма побитую и отступающую из России армию Наполеона. Не потому ли некоторые и сегодня не знают, на чьей стороне воевали США во Вторую мировую?

Можно вспомнить также о книгах «Международные отношения в условиях конфликта между демократией и диктатурой» Р. Страуса-Хюпе и С. Поссони, «Американский путь к власти над миром» Ф. Даллеса, «Американский мир» Р. Стила, «О возрождении американской мечты» Б. Обамы, в которых идеи Пирса, Фиске, Джемса, Дьюи и Ф. Рузвельта были развиты. Хоть Гегеля они и не упоминали, но Гегель тоже был для них чем-то в роде иконы, т. е. все были его последователями-исполнителями. И в

1970-е в США появилась книга профессора Ю. Бронфенбреннера, в которой доказывалось, что совестская система образования лучше американской, и в которой автор призывал применять методы советской педагогики в США

А самолётные атаки на заминированные ньюйоркские небоскребы и здание Пентагона, состоявшиеся в 2001 г.? Разве они не подтвердили слова А. Солженицына о том, что США стали наследником исчезнувшего СССР и взяли на вооружение стих Маяковского «Будем, будем везде. В свете частей пять. Пятиконечной звезде – во всех пяти сиять»? Ведь, если эти атаки были результатом деятельности тогдашнего руководства США и ЦРУ [16], то их вполне можно сравнить с имитациями нападений Польши на Германию и Финляндии на СССР в 1939 г. и рассматривать как продолжение и актуализацию истории коммунизма. Ибо во всех случаях имитация и сваливание с больной головы на здоровую предшествовали действительному нападению СССР на Финляндию, Германии на Польшу и США на Ирак и Афганистан.

Хрущёв обещал «каждому по потребности» в 1980 г., но его преемнику было неудобно вспоминать об этом. Руководство США обещало в случае упразднения Варшавского договора и объединения Германии восточную границу НАТО дальше Германии не двигать, но сегодня на очереди поглощения уже Украина. Некоторые американские политики и сегодня не скрывают своего несогласия с решением крымского народа исправить ошибку Хрущёва и вернуться в Россию; не скрывают потому, что их больше устраивает Украина, созданная Лениным, Сталиным и Хрущёвым и не желающая считать последних своими создателями. Еще Ницше предупреждал, что борющийся с чудовищем должен опасаться, чтобы самому не стать им. Дурной пример оказался, к сожалению, заразительным.

А их ученики, считая вслед за Джемсом истиной то, что даёт «максимальную сумму удовлетворений», сбивают над Украиной малоазийский самолёт с европейскими и малоазийскими пассажирами и пытаются свалить это преступление с больной головы на здоровую; при отсутствии революционной ситуации и при наличии отрицательного примера Украины призывают к «оранжевой» революции в России; обманывают нас, избирателей российской Госдумы накануне последних выборов («Не новая Россия, а подлежащий ликвидации осколок СССР, т. е. одержимая стремлением к власти, тоталитарная, воровская, коррумпированная страна, в которой власть олигархии, провал всех реформ и репрессируются все несогласные. Все действия правящей бюрократии направлены на укрепление тоталитарного строя. Рецепт прост и опробован в цивилизованном мире: надо менять власть. Не голосуйте за Путина и его сторонников!») и призывают голосовать за практистов-ленинцев; обстреливают колонну гуманитарной помощи бедствующему населению Сирии и бесстыдно обвиняют в этом Россию; угрожают России террором за участие в антитеррористической войне в Сирии и убивают в Турции её посла; топят в Чёрном море наш пассажирский самолёт с артистами; утверждают, что Путин фальсифицировал результаты президентских выборов в США в пользу

Трампа… Не это ли имел в виду и Гегель, когда писал, что «подземная власть Духа обретает на земле свою действительность» через бесстыдный обман и извращение всех понятий и реальностей? Однако было в этом обмане и то, что Ницше называл *совращением истиной*, т. е. наличие некоторой доли истины: Путин действительно участвовал в упомянутых американских выборах как некоторый *идеал президента США*, т. е. большинство американских избирателей желало иметь президентом США такого же искреннего, смелого, человеколюбивого и путёвого патриота, как Путин, и выбрало Трампа, а не Клинтон, которая не скрывала своего отрицательного отношения к России. Но похоже, что и в данном случае хрен оказался не слаще редьки. Трамп, став президентом США, *забыл* о своих предвыборных обещаниях борьбы с терроризмом и поступил по отношению к Сирии почти так же, как Сталин по отношению к Финляндии в 1939 г., с той разницей, что Сирия находится в состоянии оборонительной войны с международным терроризмом, не поддерживается Великобританией и Францией, не имеет «линии Маннергейма» и удар был нанесён по Сирии крылатыми ракетами «томагафк» под надуманным предлогом ночью в спину. А ведь во время выборов он обещал избирателям действовать не по сталински и не по обамовски…

Г. Маркузе в 1964 г. писал в «Одномерном человеке», что мечта Гегеля-Маякина о том, что в Государстве большинство людей должно быть, как кирпич, одной меры, которых правитель мог бы класть так, как хочет, осуществляется не только в СССР, но и в США, и уже характеризовал этот процесс как неразумный. П. Хэмил и в 1986 г. утверждал, что «бесы», о которых писал Достоевский, живут и действуют в США [17]. О трагических судьбах носителей этой «философии» до них поучительно написали Александр Пушкин в «Борисе Годунове» (1825), в «Скупом рыцаре» (1830), в «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833); Фёдор Достоевский в «Бесах» (1872) и «Великом инквизиторе» (1880), Фридрих Ницше в книге «О человеческом и сверхчеловеческом» (1878) и Джек Лондон в «Морском волке» (1904).

Примечания и сноски:

1. Fichte I. G.. Samtliche Werke. Bd. 4. B., 1845, s. 310.
2. Гегель. Соч. Т. 7. М., 1934, с. 191. G. Hegel. Phenomenologie des Geistes. B., 1975. S. 274.
3. Goethe. Faust. Teil 1. Leipzig, 1966, s. 45.
4. В книге «О явлениях нечистого Духа» понятие «просвещение», как и многие другие, использовалось Гегелем несколько не в обычном смысле, а именно для обозначения полемической направленности спекулятивной метафизики и того «просвещения», которое выразилось, например, в трактатах Гольбаха «Галерея святых», «Священная зараза» и «Разоблаченное христианство».
5. Подробнее об этом см.: Томилов В. Г. Коммунизм как искушение властью. Томск, 2013. С. 37; его же: Лекции по истории западноевропейской философии. Томск, 2014. С. 114-118.

6. Spengler O.. Politische Schriften. Munchen, 1933, s. 24-25.
7. Гегель. Соч. М.-Л., 1932. Т. 9. С. 39-40.
8. Hegel G.. Phenomenologie… S. 324, 328.
9. Подробнее об этом см.: Томилов В. Г. Критика нечистого исторического разума. Томск, 2016. С. 40-60.
10. Горький М.. ПСС. Т. 4. М., 1969, с. 282, 286, 313, 341.
11. Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. 2. СПб., 2001. С. 175. И его друг и соратник У. Джемс оценивал гегелевский проект как «путь к спасению» (Джемс У. Прагматизм – новое название для некоторых старых методов мышления. СПб., 1910. С. 20).
12. В статье о Шеллинге, выражая и мысли Маркса, Энгельс писал, что «вера во всемогущество Духа» есть «священная обязанность» и «истинная религия», ибо «Дух ... есть тот чудесный феникс, который устраивает себе костёр из драгоценнейшего... Понесём же на костёр этого феникса всё самое дорогое и самое любимое, всё, что было святым и великим для нас» (МЭС, т. 41, с. 178, 225-226). И в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» читаем: «Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм…» (МЭС, т. 18, с. 498).
13. Peirce Ch. S. Selected philosophical writings. Vol. 1. Bloomington and Jndianapolis, 1991, p. 117, 118. И Ленин, руководивший осуществлением гегелевского проекта в России, приказывал в данной связи: «Провести массовый террор против зажиточных крестьян, истребив их поголовно… Именно теперь … когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. (…) Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (подробнее об этом см.: Томилов В. Г. Критика… С. 77-80). Не это ли имел ввиду и Николай Ляпин, когда писал о «Ленине-параноике», который «с палачом Дзержинским суд и казнь вершил»?
14. И его слова почти повторил Барак Обама уже в наше время, а в интервью телеканалу CNN добавил, что в украинской «смене власти» США сыграли роль «посредника». Нетрудно догадаться, какое посредничество он имел в виду. Заповедь «Не убий!» (как и в провокационном уничтожении малоазийского пассажирского самолёта, и в убийстве Б. Немцова) в этой смене власти явно не участвовала.
15. История США. Т. 3. 1918-1945. М., 1985. С. 335.
16. Подробнее об этом см.: Королёв В. Загадки 11 сентября: почему упали башни? М., 2007.
17. Hamill Peter. The Poet and the City // Dostoevsky and the Human Condition After a Century. NY, 1986.